

Жань Нянь всё ждал ответа от Цзян Чжи, и на душе у него было беспокойно.

В томительном ожидании он не выдержал и снова открыл форум учебного заведения.

Глядя на то, что несколько постов с именами Е Му и Цзян Чжи в заголовках, появившихся лишь в обед, уже набрали кучу комментариев, он недовольно скривил губы.

Под самым популярным из новых постов счётчик ответов перевалил за тысячу.

В основном сообщении были выложены фотографии, сделанные в полдень: Цзян Чжи держал над головой Е Му огромный лист банана, словно зонт, при этом одной рукой крепко обнимал его, прижавшись всем телом к спине Е Му.

Любой мог заметить, что Цзян Чжи укрывал Е Му от палящего солнца: лицо и шея самого Цзян Чжи были под прямыми лучами, в то время как лицо и шея Е Му оставались в тени.

Студенты в комментариях просто сходили с ума от восторга.

...

— О боже, Цзян и Е — просто идеальная пара! Этот зонт из листа — ну до чего же мило! Плачу от умиления!

...

— Чёрт возьми, дайте мне поддержать этот лист! Вы двое, влюблённые голубки, ну обнимитесь уже и поцелуйтесь!

...

— Мне даже есть не нужно, я готов кормить вас сам! Пожалуйста, проваливайте уже в общежитие и прыгайте в кровать! Время не ждёт!

...

— Посмотрите на лицо Е Е, он же покраснел! Уверена, это не от жары! Он наверняка вспомнил, чем они обычно занимаются в общежитии, и смутился!

Жань Нянь читал всё это, и с каждой строчкой его лицо становилось всё мрачнее, а к последним комментариям он и вовсе почернел от злости.

Не сдержавшись, он провёл пальцем по экрану и пожаловался на весь пост, указав причину — порнографическое содержание. Он негодовал про себя: какой еще муж, Цзян Чжи вовсе не муж Е Му! Это я буду его мужем! С чего вы вообще взяли, что они пара?

Жань Нянь был попаданцем, и в этом мире он занял место главного героя-уке из оригинальной книги.

Еще когда он только читал роман, он всей душой полюбил главного героя-семе, поэтому, оказавшись внутри истории, Жань Нянь не собирался ничего менять, а планировал следовать сюжету и закрутить с ним роман.

Раньше прежний владелец тела постоянно пропадал на съемках, но Жань Нянь, едва переместившись, строго по графику завершил работу в съемочной группе и вернулся в университет, чтобы не упустить момент первой встречи с возлюбленным.

По логике вещей, сразу после возвращения у него должна была завязаться связь с Цзян Чжи.

Однако по неизвестной причине, хотя отец прежнего владельца тела уже передал его контакты в мессенджере Цзян Чжи и тот даже добавил его в друзья, основная сюжетная линия книги всё никак не начиналась.

Жань Нянь начал нервничать: если они будут тянуть дольше, сюжет окончательно пойдет наперекосяк.

Поэтому, увидев сегодня тот пост на форуме, он не сдержался и сам написал Цзян Чжи.

Отправив жалобу на пост, Жань Нянь снова открыл мессенджер, но ответа от Цзян Чжи всё еще не было.

Странно. По всем прикидкам, Цзян Чжи должен был ответить мгновенно. Что могло пойти не так?

Жань Нянь терялся в догадках. Может, дело в том, что отношения между Цзян Чжи и Е Му, знающими друг друга с детства, еще не дали трещину? Цзян Чжи в конечном итоге так и не ответил на сообщение Жань Нянь, но и добавлять её в чёрный список не стал — просто оставил в списке контактов, предпочтя делать вид, что её не существует.

Оба они не стали придавать Жань Нянь особого значения и переключились на дела, связанные с учёбой.

На следующий день, отсидев все пары и поужинав, они обнаружили, что ещё нет даже восьми часов вечера. Е Му и Цзян Чжи вышли из столовой и, держась за руки, направились по главной аллее кампуса в сторону корпуса искусств.

Хотя днём было довольно жарко, после захода солнца поднялся ветер, и стало прохладно. Особенно это ощущалось, когда они вошли на территорию корпуса искусств: внутри зданий кондиционеры работали на полную мощность, и по коридорам у входа гуляли потоки ледяного воздуха.

Поёжившись от холода, Е Му невольно втянул голову в плечи. Он как раз начал жалеть о том, что не послушал Цзян Чжи и не зашёл в общежитие за курткой, как вдруг Цзян Чжи обхватил его за шею рукой и прижал к себе.

— Я же говорил, что нужно было захватить тебе одежду, а ты ни в какую не хотел слушать, —

проворчал Цзян Чжи, а затем с заботой спросил: — Ну что, так лучше? Теперь не холодно?

Температура тела Цзян Чжи была от природы намного выше, чем у Е Му, и его рука, лежавшая на плече, ощущалась как тёплый шарф. Е Му почувствовал, как в тело разливается тепло, и озноб моментально прошёл.

Е Му промолчал, позволяя ему себя обнимать.

Видя, что тот молчит, Цзян Чжи снова заговорил:

— Ну вот, ты совсем без меня пропадаешь. Хорошо, что я пошёл с тобой, а то просидел бы ты в этом здании полдня, а потом вернулся бы вечером простуженным. А если заболеешь, разве тебе не будет плохо? А если тебе будет плохо, не придётся ли мне потом убаюкивать тебя по вечерам?

Цзян Чжи не понижал голоса, и проходившие мимо студенты, прогуливавшиеся у корпуса искусств, удивлённо оборачивались на них. Почти мгновенно они узнали в этой обнимающейся парочке знаменитую в университете пару натуралов. Голоса девушек задрожали от плохо скрываемого возбуждения:

— !!! Слышали, что они сказали? Простуда, убаюкивать вечером!

— Боже мой, как мило и заботливо, я же говорила, что они настоящие! Какие они натуралы, они же пара!

— Ох, я их шиппери!

Услышав возгласы девушек, Е Му невольно бросил взгляд на Цзян Чжи и тихо возразил:

— Что ты снова несёшь?

Цзян Чжи посмотрел на него с улыбкой, в которой читалась невинность человека, которого несправедливо обвинили:

— А что я такого сказал? В прошлый раз, когда ты простудился, разве не я убаюкивал тебя по вечерам?

Е Му даже не помнил, когда именно он простужался в тот самый прошлый раз, о котором говорил Цзян Чжи. Он, конечно, не был уверен насчёт того, убаюкивал ли его Цзян Чжи тогда, но поскольку подобные случаи в прошлом действительно бывали, возразить он не смог.

— ...Тебе необязательно болтать об этом при всех, люди всё не так поймут.

Е Му огляделся по сторонам: те девушки всё ещё не ушли и продолжали время от времени поглядывать в их сторону. С беспокойством в голосе Е Му добавил:

— В конце концов все и правда решат, что мы геи.— Пусть думают что хотят. — Цзян Чжи в этот момент выглядел совершенно невозмутимым, словно и не он до этого так переживал из-за того, что окружающие могли принять их за пару геев.

Он приобнял Е Му и с самым невинным видом произнес:

— Раз уж людям хочется заблуждаться, я ничего не могу с этим поделать. В конце концов, пока мы сами знаем правду, разве этого недостаточно? Скажи, я ведь прав?

Цзян Чжи в очередной раз пустил в ход свои рассуждения о том, что прямому, как палка, парню нечего бояться досужих сплетен.

— ...

Е Му не нашел, что ответить. Видимо, настоящие натуралы именно такие — бесцеремонные и самоуверенные.

Место для собрания находилось на третьем этаже художественного корпуса. Как только двери лифта закрылись, отсекая любопытные и проницательные взгляды, Е Му почувствовал, как с плеч свалился груз, и тихо выдохнул. Выйдя в коридор третьего этажа, они увидели нескольких участников театрального кружка, которые стояли у входа и о чем-то болтали.

— Почему не заходите? — Цзян Чжи, приобнимая Е Му, подошел ближе и с недоумением спросил их.

— О, дверь еще закрыта. У нас нет ключа, приходится ждать председателя, — ответила одна из старшекурсниц.

— Вот оно что, — Цзян Чжи, обнимая Е Му за плечи, от скуки положил голову ему на плечо и тихо прошептал: — Знал бы, не спешил так. Можно было бы вернуться в общежитие и принести тебе кофту.

Несколько девушек переводили взгляды с Е Му на Цзян Чжи, переглядываясь между собой и обмениваясь многозначительными улыбками.

Одна из старшекурсниц, прикрыв рот рукой, не сдержалась и проговорила:

— Вы двое такие близкие.

— Это естественно, — Цзян Чжи покрепче прижал Е Му к себе, с явным хвастовством в голосе добавив: — Мы спим на одной кровати с десяти лет и ни разу не разъезжались, как мы можем не быть близки?

После этих слов Е Му отчетливо увидел, как изменились взгляды девушек — в их глазах зажглось возбуждение человека, который только что стал свидетелем чего-то сокровенного. Наверное, они, как и те люди внизу, всерьез приняли его и Цзян Чжи за пару.

Хотя Цзян Чжи сказал чистую правду, только такой прямолинейный дурак мог болтать об этом без капли смущения, совершенно не беспокоясь о превратностях чужого мнения. Однако, возможно, это случалось уже столько раз, что Е Му даже не хотелось спорить. Он чувствовал, что все равно не сможет изменить чужое восприятие, особенно когда рядом есть такой вот натурал, который только и делает, что выставляет их отношения напоказ. В сложившейся ситуации любые оправдания в глазах окружающих выглядели лишь как попытка скрыть правду.

— ...Братец Цзян Чжи?

Пока они стояли у двери, ожидая, когда её откроют, внезапно раздался незнакомый голос. Е Му реагировал на имя Цзян Чжи даже острее, чем он сам, и тут же обернулся. Это был второй раз, когда кто-то так обращался к Цзян Чжи. Е Му впился взглядом в подошедшего парня, сопоставляя его лицо с фотографией.

Жань Нянь выглядел довольно привлекательно, его темперамент был мягким и кротким — да, именно кротким, он производил впечатление домашнего и покладистого человека. Жань Нянь тоже мельком взглянул на Е Му, встретившись с ним взглядом, затем слегка кивнул и улыбнулся, сжав губы, словно приветствуя его.

Несмотря на эту безобидную улыбку, Е Му почему-то ощутил беспричинную тревогу. Однако, прежде чем он успел хоть как-то отреагировать, Жань Нянь уже перевел взгляд на Цзян Чжи, который все еще лежал на плече Е Му.

— Братец Цзян Чжи, какое совпадение! Не ожидал встретить тебя здесь.

Остальные участники кружка молча наблюдали за этим дерзким новичком, чей голос звучал так сладко, и мысленно сочувствовали ему. Не стоит судить по тому, как легко и весело Цзян Чжи общался с ними — это лишь потому, что рядом был Е Му. В обычной жизни Цзян Чжи был холодным и неприступным, и если кто-то пытался навязаться ему в друзья, то быть посланным в грубой форме считалось еще удачным исходом. Этот новичок был слишком самоуверен.

И действительно, как только Жань Нянь закончил фразу, Цзян Чжи повернул голову, нахмурился, окинул его взглядом и не слишком любезно спросил:

— Ты еще кто такой?

Е Му, все еще находившийся в объятиях Цзян Чжи, почувствовал, как тревога немного отступила. Он не мог не признать: Цзян Чжи был совершенно непамятлив, когда дело касалось других людей. Человек, чью фотографию он видел всего пару дней назад, уже успел стереться из его памяти.

Услышав такой тон, Жань Нянь заметно напрягся и украдкой сжал кулаки. Что происходит? Почему Цзян Чжи так относится к своему суженому?

Хотя в голове у него проносились тысячи мыслей, голос Жань Няня оставался таким же сладким, словно его не задело отношение Цзян Чжи:

— О, братец Цзян Чжи, я Жань Нянь. Тот самый, кто писал тебе в Вичат пару дней назад. Мой отец — Жань Сяюнь, он хороший друг твоего отца.

Выслушав самопредставление, Цзян Чжи наконец что-то припомнил. Он прищурился, разглядывая Жань Няня: так вот оно что, это тот самый контакт из Вичата, из-за которого его Е Му ревновал. Жань Нянь, заметив, что на него смотрят, одарил Цзян Чжи улыбкой, которую счел весьма достойной.

Е Му чуть дернул плечом, пытаясь заставить Цзян Чжи выпрямиться и перестать так опираться на него, но его тут же остановили.

— Не дергайся.

Рука Цзян Чжи, до этого просто покоившаяся на плече Е Му, сменила положение — теперь он практически обнимал его, положив руку поперек груди Е Му. Собственнический инстинкт проявился без всякого стеснения. Старшекурсницы рядом уже готовы были достать телефоны, чтобы сделать снимок.

Жань Нянь продолжал смотреть на Цзян Чжи, а тот лишь рассеянно кивнул:

— А, это ты. Понятно.

Жань Нянь хотел было сказать что-то еще, но Цзян Чжи опередил его:

— И да, в следующий раз не называй меня так, звучит противно.

Хотя иногда заставить Е Му поревновать было даже забавно, если переборщить, Е Му может по-настоящему рассердиться, а этого допускать нельзя. Сказав это, Цзян Чжи повернул голову и прижался лицом к шее Е Му, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать разговор.

— ...

Жань Нянь посмотрел на Цзян Чжи, затем на Е Му, опустил глаза и, сжав губы, натянуто улыбнулся:

— Хорошо, я понял.

<http://bllate.org/book/21916/2277109>